

концептуальных моделей в процессе эволюции мировоззрения В. Ходасевича.

Думается, возможно выделить наиболее общие, инвариантные, сквозные концептуальные модели, доминирующие на протяжении всего творчества поэта: *жизнь — страдание, жизнь души — истина, смерть — свобода*.

Необходимо отметить, что описанная система концептуальных доминант опирается на анализ языкового развертывания, своего рода «декодирования», «расшифровки» названных универсалий художественного мышления в идиостиле поэта.

Н. В. Манчинова
Пермь

Деривация гипаллагы в поэтическом тексте

Исследование деривации гипаллагы в поэтическом тексте является, с нашей точки зрения, необходимым компонентом комплексного изучения этого элемента фатического поля языка (и творческих возможностей последнего), так как позволяет не только выяснить особенности порождения и функционирования гипаллагы в данном типе текста, рассмотреть ее когнитивные и лингвистические основы, но и приблизиться к пониманию ее сущности.

Гипаллага трактуется нами в динамическом и статическом аспектах: с одной стороны, как собственно семантико-синтаксическая перестановка, основанная на перераспределении признаков предмета, с другой — как результат этой перестановки.

Переосмысление признаковой сферы предмета имеет субъективный характер, происходит в комплексах отношений «предмет и его статический(ие) признак(и)», «предмет, его статический и процессуальный признаки» и приводит к смещению семантических компонентов: *Нам расскажи о глазах Гретхен; Сентиментально-голубой; Закатный отблеск скользит оранжево* (И. Северянин).

Результаты деривации гипаллагы на глубинном (семантическом) уровне текста актуализируются в поверхно-

стной структуре в позициях, не нормативных для выражения семантики объективной пространственно-временной характеристики предмета, сдвинутых относительно лексико-грамматического окружения. Оно не изменяется, оставаясь нормативным для базовой порождающей конструкции. Поэтому между смещенным элементом и лексико-грамматическим окружением возникает формально-содержательное противоречие. Если формально противоречие разрешается за счет «рудиментной» транспозиции (*оранжевый отблеск скользит — отблеск скользит оранжево*), то «противоречие значений смещенного определения и грамматического определяемого» (Н. Н. Золина) остается и может служить маркером гипаллагы в тексте. Так, прилагательное *сентиментально-голубой* семно согласуется с существительным *глазах* (*о сентиментально-голубых глазах*), но грамматически сочетается с именем *Гретхен*. Разнонаправленность семантической и грамматической сочетаемости наречия *оранжево* заключается в том, что, определяя глагол *скользит* грамматически, семно оно согласуется с существительным *отблеск*.

За счет семантико-синтаксической перестановки номинатемы оказываются в состоянии взаимной семантической погруженности, что выражает идею нераздельности предмета и его качеств, создает субъективную картину объективного предметно-пространственного бытия вещи, обуславливает эффект синестезии и способствует формированию емкого художественного образа.

Гипаллага имплицитно семантическую целостность конструкции, но эксплицитно ее на поверхностном уровне текста в виде ослабленного семного согласования или рассогласования, что не только свидетельствует о дезавтоматизме порождения гипаллагы и поэтического текста в целом, но и нарушает стереотипность его восприятия.

Таким образом, гипаллага в поэтическом тексте является, с одной стороны, способом дезавтоматизации его порождения и восприятия, а с другой — средством преодоления дискретности языка и выражения эмоционально-смыслового континуума стиха.